

СЕКЦІЯ «ФІЛОСОФІЯ»

УДК 168.521:101.1

КАК СООТНОСЯТСЯ КАРТИНА МИРА И СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

А. В. Белокобыльский

Картина мира (КМ) представляет собой схематическую модель реальности (или фрагмента реальности), полученную в результате применения научного метода и легитимирующую данный метод в качестве основного способа взаимодействия с миром. Общенаучная картина мира (ОНКМ) закладывает общие представления о типе предметности и характере взаимодействия вещей, из которых мир «состоит», а частнонаучные картины мира уточняют специфические особенности этой предметности в свете конкретного научного инструментария.

ОНКМ представляет сегодня господствующий способ репрезентации реальности («природы») не потому, что предоставляет неопровержимые доказательства своей «истинности» или «полезности», а благодаря ведущей социальной роли институтов, так или иначе связанных с или поддерживающих научное мировоззрение. Тем не менее, НКМ не есть тот образ реальности, который можно считать эксплицитным, всеобщим и тем более необходимым. С другой стороны, нельзя отрицать наличие для каждого сформированного человеческого сознания некоторого образа реальности, иногда такого типа, который совместим с НКМ или даже вне ее невозможен.

В данном случае правильнее говорить о социальной реальности (СР), определение которой одним из первых дал последователь Э. Гуссерля Альфред Шютц¹. Правда, определение Шютца нуждается в уточнении: и культурные объекты, и социальные институты, и мир природы могут выступать элементами НКМ, как модели реальности, но сама СР не тождественна этой (своей собственной) модели. То есть НКМ не возможна вне СР, а вот СР, не знающие НКМ, очень даже существуют. Чем же является СР, в чем ее отличие от КМ и каковы особенности того типа СР, который легитимирует НКМ?

В отличие от НКМ, требующей от субъекта способности к достаточно серьезному уровню абстрактного мышления, в большинстве бытовых и традиционных ситуаций человек может ограничиться ритуальным мышлением. Эти практики не обязательно жестко связаны в систему, однако совокупность значимых социальных институтов и традиций предоставляли (и предоставляют) человеку достаточно практик-ритуалов, которые позволяют ему и его социальной группе устанавливать границы действительности

1 Под термином «социальная реальность» я понимаю всю совокупность объектов и событий внутри социокультурного мира, как опыта обыденного сознания людей, живущих своей повседневной жизнью среди себе подобных и связанных с ними разнообразными отношениями интеракции. Это мир культурных объектов, социальных институтов, в котором все мы родились, внутри которого мы должны найти себе точку опоры и с которым мы должны наладить взаимоотношения. С самого начала мы, действующие лица на социальной сцене, воспринимаем мир, в котором мы живем, - и мир природы, и мир культуры - не как субъективный, а как интересубъективный мир, т.е. как мир, общий для всех нас, актуально данный или потенциально доступный каждому, а это влечет за собой интеркоммуникацию и язык. Подробнее см.: Schutz A. Concept and Theory Formation in the Social Sciences // The Journal of Philosophy Vol. LI. N 9. April 29. 1954. Pp. 257-273).

этих практик (границы нормальности) и успешно сохранять свой культурный универсум во времени.

Усваивая в процессе первичной социализации способы идентификации социально-значимых смыслов и способы действия («ритуалы») в соответствии с ними, человек учится формировать ментальный образ окружающей реальности, который позволяет ему воспроизводить и транслировать накопленный культурный опыт. Эта совокупность субъективных навыков и способностей позволяет человеку обнаруживать себя в каждое мгновение своей жизни в некоторой «реальной ситуации», формы которой предписаны социумом. И вот в этой «реальности» человек может как молиться богам, так и строить НКМ.

Социальная реальность артикулируется в результате реализации способности человека к деятельности по поддержанию вещей, себя и сообщества для продолжения жизни в установленных границах представлений о нормальности. Ритуальные рутинные практики отбора информации, ее интерпретации, проверки, уточнения, «практик себя», поддержания социальной идентичности, целостности сообщества и его жизнедеятельности и т. д. занимают львиную долю человеческой жизни и при изменении социальной структуры (институтов, смыслов, практик) играют «инерциальную» роль, делая, с одной стороны, изменения поступательными, а с другой, позволяя избежать резких сломов повседневности.

Калейдоскоп жизненных ситуаций, опирающийся на осознанные и неосознанные действия человека (начиная от управления собственным телом, обращения с предметами и их идентификации, артикуляции опасного, желанного, вплоть до специальных навыков и практик), более-менее повторяющийся от индивида к индивиду (т. е. интересубъективные по своей природе), сопровождающийся определенными ментальными образами (включающими интериоризированные представления о значимом) и следует считать социальной реальностью. Именно этот сложный клубок интенций, идентификаций и действий, связанных с реализацией способности к жизни выступает и областью значений так называемых категорий культуры².

Философские наборы категорий, подобные аристотелевской и кантовской, представляют собой выжимку и абстракцию из отношений, действий, представлений, зафиксированных в СР. Смыслы (содержание понятий), актуализируемые и артикулируемые (наполняемые уникальным личностным содержанием) в «реальных ситуациях», продуцируются авторитетными и легитимными (иногда модными) социальными институциями, подобными сообществу жрецов, церкви, академиям наук и т. д. Их (смыслов, понятий) специфика сказывается на уточнении границ нормальности, способов действия/коммуникации и мышления (включая отбор и проверку информации, объяснения, доказательства и т. д.). Социальная конкуренция между институциями разворачивается, в том числе, в сфере борьбы за влияние продуцируемых ими смыслов в СР.

Уровень интересубъективно поддерживаемой СР, с господствующими особенностями смыслообразования и понимания, аргументации, принятия решений, целей и средств нормальной жизни представляет собой прагматический уровень верификации любых теоретических конструкций. *Рациональным* является построение (и поддержание) смыслов, порядка мысли и действия в соответствии с господствующими в культуре стандартами (по крайней мере, одним из них) и в виду сохранения нормальной жизнедеятельности.

Впрочем, осмысление чего бы то ни было в СР осуществляется человеком с помощью господствующей культурной концептуалистики, точнее, индивидуального

2 /Категории культуры/ выступают не только как формы рационального мышления, но и как категориальные формы, определяющие человеческое восприятие мира, его понимание и переживание. Подробнее см.: Степин, В. Цивилизация и культура / Вячеслав Степин. – СПб.: СПбГУП, 2011. – С. 62.

«микста» из освоенных дискурсов смыслообразования (в нашей СР – политического, научного, исторического, религиозного, медийного и т. д.), транслируемого в культуре и, вследствие этого, угрозы и цели он понимает через их понятийную призму. Таким образом, СР представляет собой актуализированное (здесь и сейчас) в сознании и деятельности людей пространство культурного опыта (интерсубъективное, но «опирающееся» на индивидуальные «носители»), тогда как НКМ – схема культурного опыта определенного типа, надстраивающегося на структурах СР.

УДК 37.03+172+930.1

ГУМАНІТАРНА СКЛАДОВА ЯК МАРКЕР СПРАВЖНЬОЇ СПРЯМОВАНОСТІ СУЧАСНОЇ ВІТЧИЗНЯНОЇ ОСВІТИ

В. В. Білецький

Як показують сучасні дослідження політичних (у тому числі, військових) конфліктів, виразну роль в них має маніпуляція масовою свідомістю [1–3]. Саме цей прихований і неявний для адресата вплив на його духовну сферу спроможний нівелювати морально-правові імперативи, змінити політичну позицію – аж до колабораціоністської чи сепаратистської. Агресорові не потрібно застосовувати масоване військове вторгнення – після інформаційної обробки суспільства-жертви, воно буде схильне до схізмогенетичних, антипатріотичних, державозрадницьких дискурсів і відповідних дій. Простіше кажучи, разом з традиційною зброєю – танками, гарматами, ракетами, зброєю стає інформація. А ще простіше – Слово.

Людина маси [4], яка, на жаль, сьогодні кількісно домінує на планеті, модусом має споживацтво, у тому числі споживацтво інформаційне. І словесно-візуальну «картинку» телевізійного продукту воно «ковтає» не замислюючись, що ця картинка може бути спеціально створена щоб нею, масою, керувати. Маса не замислюється, чи правдиві слова транслює «кретиноскоп», чи може маніпулятори спеціально підмінюють слова, насичуючи їх новими значеннями і емоціями.

Наочним прикладом такого впливу є сучасна гібридна війна. Політичні побрехеньки про якийсь «Схід» і «Захід» в унітарній державі (!), про «бандерівців» і «москалів» розколювали суспільство цілісної країни, дезінформація про Революцію гідності та ешелони «правосеків», які їдуть насильно всіх українізувати, створили паніку; гасла «Київ нам не указ» тощо підбурили сотні тисяч обдурених людей маси на державну зраду. Треба просто підібрати правильні слова, які примітивізоване мислення засвоїть. Нічого іншого, наприклад, сумніватися, критично ставитися чи творити, воно не може. Маса може лише засвоювати.

Отже, справа у інформації – акустико-візуальних образах, поняттях оруелівського «новоязу», який є базою спотвореного мислення про «двох російських рабів» чи «згвалтованих вагітних пенсіонерок». А спотворене мислення призведе до потворних вчинків, що і сталося. Залучення мовних і парамовних інструментів впливу для маніпуляції свідомістю маси детально і багаторазово проаналізоване [1].

На нашу думку, науковцям і фаховим практикам з правознавства, державного управління тощо треба думати, наперед, щоб реалізувати гасло «Ніколи знову!».

Якщо агресорна сторона застосовує «новояз», то нам треба працювати над розгортанням потужних профілактичних заходів. Треба посилювати критичність і розлогість мислення нації шляхом апробованих і дієвих освітньо-просвітительських заходів, які б виводили людину маси на шлях особистісного прогресу.